Юлия Стэфани Херрера

СЕРИЯ «Я НЕ ЗЛЮСЬ»

КНИГА 5

Я не злюсь на работе

Как не быть удобной и не потерять работу

Юлия Стэфани Херрера

Я не злюсь на работе. Как не быть удобной и не потерять работу

«Автор»
2026

Херрера Ю.

Я не злюсь на работе. Как не быть удобной и не потерять работу / Ю. Херрера — «Автор», 2026

Вы снова задержались на работе. Сделали чужую задачу. Ответили на письмо поздно вечером. А повышение получил кто-то другой.И самое обидное — вы даже не знаете, как сказать, что так больше нельзя.Вере тридцать четыре. Она инженер-проектировщик и одиннадцать лет работает в одном отделе. На неё можно положиться, можно поручить самое сложное, попросить «ещё немного помочь». Только её собственные заслуги остаются в тени, а накопленная злость постепенно разрушает то, что находится за пределами офиса.«Я не злюсь на работе» — пятая книга серии «Я не злюсь» о цене профессиональной надёжности, страхе отказать и праве защищать свои интересы.Через историю Веры вы разберётесь, почему так трудно говорить «нет», как перестать брать на себя чужую ответственность и научиться спокойно обсуждать нагрузку, признание и деньги.Внутри — психологические разборы, упражнения, практикум и готовые фразы для непростых разговоров.Чтобы уважать свою работу, необязательно отдавать ей всю свою жизнь.

© Херрера Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Почта 6
Для себя 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Я не злюсь на работе. Как не быть удобной и не потерять работу

Херрера Юлия Стэфани
Серия «Я не злюсь». Книга 5
Я не злюсь на работе
Как не быть удобной и не потерять работу
16+

Глава 1. Почта

В двадцать три сорок Вера закрывает ноутбук и слышит, как в кухне тикают часы.

Она сидит за столом уже четыре часа. Перед ней остывший чай, который она налила в восемь и не выпила, и распечатка сметы — сорок семь позиций, каждая проверена вручную, потому что программа второй месяц считает неправильно, а в айти сказали «мы в курсе, поставили в очередь».

На десять назначена защита. Проект её, но говорить будет Олег Викторович. Он объявил об этом ещё в понедельник, когда попросил прислать презентацию в редактируемом виде.

⁂

Проект пришёл к ней в январе, в первый рабочий день после каникул.

Олег Викторович вызвал её в кабинет, положил перед ней папку и сказал:

— Вера, тут реконструкция котельной. Восемь месяцев. Возьмите, вам полезно.

— А кто ещё?

— Никто. Вы.

Она обрадовалась: до тех пор ей поручали отдельные расчёты, а теперь дали объект целиком. Только потом, уже у себя за столом, подумала, что так и не спросила, кто подхватит её прежние задачи.

Слово «полезно» она потом будет вспоминать часто.

⁂

В договоре стояло восемь месяцев. К концу ноября шёл одиннадцатый: заказчик трижды менял задание, а Олег Викторович каждый раз говорил: «Ну, мы же не будем с ними ссориться из-за бумажки».

Она не ссорилась. Она переделывала.

Она переделала тепловой расчёт четыре раза, вентиляцию дважды, а смету — со счёта сбилась. В апреле она сидела до полуночи одиннадцать дней подряд. В мае — четырнадцать. В июне муж Роман спросил: «Ты вообще дома живёшь?» — и она ответила: «Скоро сдадим».

В июне заказчик смотрел первый вариант. В июле появились новые вводные, а в сентябре согласование снова вернули на доработку.

⁂

В двадцать три пятьдесят две приходит письмо.

От Олега Викторовича. Тема: «Раздел 5».

«Вера, добрый вечер. Посмотрите, пожалуйста, ещё раз раздел 5 — там что-то с расходами на транспортировку. Завтра в 10 сдаём. Заранее спасибо».

Вера смотрит на это письмо минуты две.

В нём нет ни одного слова, которое можно было бы предъявить. «Добрый вечер» — вежливо. «Пожалуйста» — корректно. «Заранее спасибо» — почти тепло.

И всё же что-то в этом письме устроено так, что она открывает файл.

Она открывает раздел 5 и находит ошибку за девять минут. Ошибка её собственная — она действительно не учла изменение тарифа на перевозку, которое пришло в октябре. Ошибка мелкая, на сто восемьдесят тысяч из бюджета в двести миллионов, но она есть, и её нашли бы на защите.

Она исправляет, отправляет, закрывает ноутбук. Время — ноль двадцать три.

И только в постели, глядя в потолок, она понимает, что её задела не ошибка. Её задело то, что она даже не подумала возразить.

⁂

В офис она приходит в восемь сорок.

Офис — четыре комнаты на третьем этаже бывшего проектного института: линолеум, лампы дневного света, одна из которых мигает, и запах бумаги, который никуда не делся с девяностых. В отделе девять человек, из них четверо старше пятидесяти, и это чувствуется по тому, как здесь разговаривают: тихо, вежливо, с длинными паузами.

Вера прикладывает пропуск к считывателю.

Тётя Валя выглядывает из-за стекла. До девяти она успевает разобрать почту и запомнить, кто когда пришёл.

— Опять первая, — говорит она.

— Так получилось.

— Тебе за это доплачивают?

Вера улыбается и проходит.

Тётя Валя задаёт этот вопрос в шутку. Вера ни разу не ответила.

В лифте она смотрит на себя в зеркало — здесь оно есть, старое, в пятнах, — и видит женщину тридцати четырёх лет с усталым лицом и сжатыми губами.

Она специально расслабляет губы. Через минуту они снова сжимаются.

Это происходит месяца три. Она замечала, но не придавала значения: мало ли, какое у человека лицо.

Презентация на месте. Сорок два слайда. Она делала их три недели, ночами, и в каждом есть что-то, чего не было в задании: схема потоков, которую она нарисовала от руки и потом перевела в вектор; таблица сравнения трёх вариантов теплового насоса, которую она собрала сама, потому что ни у кого в отделе не было времени; и один слайд, которым она гордится больше всего, — с расчётом, который показывает, что предложенный вариант окупается не за одиннадцать лет, как считали все, а за семь с половиной.

Этот слайд она показывала Олегу Викторовичу в октябре. Он посмотрел, сказал «интересно» и попросил прислать файл.

⁂

В десять они идут на защиту.

Комната на пятом этаже, длинный стол, восемь человек с той стороны. Заказчик — управляющая компания, женщина лет пятидесяти восьми, Маргарита Павловна, в тёмно-синем костюме, с папкой, в которой, Вера это видит, лежат её расчёты.

Олег Викторович садится в центр. Вера — сбоку, у стены, с ноутбуком.

— Мы вам покажем концепцию, — говорит Олег Викторович. — Работали над ней с февраля, большой объём, три варианта.

Он говорит «мы». Он говорит «работали». Он не говорит «Вера Иванова сделала всю расчётную часть».

Вера сидит и держит руки на клавиатуре. Она знает, что должна быть благодарна: её взяли в проект, ей дали возможность, её фамилия есть на титульном листе.

Фамилия есть. Внизу, девятым кеглем, после трёх других.

⁂

На тридцать первом слайде происходит то, ради чего написана эта глава.

Олег Викторович доходит до расчёта окупаемости. Он говорит:

— И вот здесь мы нашли интересное решение. Если пересчитать с учётом ночного тарифа и теплопотерь по факту, а не по нормативу, получается не одиннадцать лет, а семь с половиной.

В комнате становится тихо.

Маргарита Павловна поднимает голову.

— Семь с половиной? — переспрашивает она. — Это с учётом чего?

— Ночной тариф, фактические теплопотери, — говорит Олег Викторович. — Мы пересчитали по трём сценариям.

— Кто считал?

Пауза длиной в полторы секунды.

Вера знает эту паузу. Она слышала её много раз — на совещаниях, на планёрках, в разговорах, где решается, чьё имя прозвучит.

— Наш инженер, — говорит Олег Викторович. — Вера Иванова.

Маргарита Павловна поворачивает голову.

— Вера Иванова, — повторяет она. — Это вы?

— Я.

— Хорошо. — Она делает пометку. — Пришлите мне расчёт отдельно. Я хочу посмотреть формулы.

— Пришлю, — говорит Вера.

И вот здесь, в эту секунду, ей следовало бы сказать ещё одну фразу. Что-то вроде: «Я готова обсудить любые вопросы, я вела весь расчётный блок». Или просто: «Спасибо, я на связи».

Она говорит «пришлю» и замолкает.

Потому что говорить больше — это уже выступать. А выступать — это занимать место. А занимать место — это то, чего Вера не умеет с семи лет.

⁂

Защита заканчивается в двенадцать.

Маргарита Павловна говорит «в целом нам нравится, будем работать», и все встают. Олег Викторович пожимает ей руку, шутит про погоду, провожает до лифта.

Вера собирает ноутбук.

К ней подходит Костя — Константин, сорок один, инженер, который в этом проекте не участвовал вообще, но пришёл на защиту, потому что «надо поддержать».

— Ну что, — говорит он. — Прокатило.

— Прокатило.

— Ты чего такая?

— Ничего.

— Устала?

— Устала.

Костя кивает и уходит курить. Он не спрашивает больше, потому что ему не важно. Он вообще не злой человек — он просто никогда не задумывается о том, что происходит с другими.

⁂

В два часа дня Олег Викторович заходит в комнату и говорит:

— Вера, спасибо. Хорошо отработали.

И уходит.

Вера смотрит на дверь, которая за ним закрылась.

Вот и всё. «Спасибо». «Хорошо отработали». Она получила свою долю.

И доля оказалась ровно такой, какая положена человеку, который не просил больше. Это не обида, это арифметика: в организациях получают не по вкладу, а по заявке. Заявки от Веры не поступало ни разу за одиннадцать лет.

Она открывает смету на следующий проект — реконструкция школы, срок до февраля — и начинает работать.

⁂

Перед уходом к ней подходит Люба.

Любовь Николаевна работает в отделе двадцать два года. Ей пятьдесят один, у неё взрослая дочь, вечная чашка с нарисованным котом и манера говорить так, будто она извиняется за то, что говорит.

— Верочка, — говорит она. — Ты не расстраивайся.

— Я не расстраиваюсь.

— Я видела, как ты на защите сидела.

Вера молчит.

— Ты пойми, — Люба понижает голос, хотя в комнате никого нет. — Он же не специально. Он вообще об этом не думает. Ему главное, чтобы сдали.

— Я знаю.

— Вот и не бери в голову. — Люба оглядывается. — А если начнёшь права качать — знаешь, как будет? Скажут: конфликтная. И всё. Ни защиты, ни премии.

— Я не собираюсь ничего качать.

— Вот и правильно. — Люба трогает её за локоть. — Я в девяносто девятом один раз сказала. Один раз. Мне потом три года напоминали.

Она уходит к своему столу и садится, и Вера смотрит ей в спину и думает: двадцать два года.

Двадцать два года человек работает в одном отделе, знает всё, что здесь было, и её главный совет — не говорить.

⁂

Перед уходом Вера открывает титульный лист проекта.

Там пять фамилий. Олег Викторович — первым, потому что начальник отдела. Потом Костя, который в проекте не участвовал. Потом главный специалист по вентиляции, который сделал два раздела. Потом ещё один. И только в самом конце, девятым кеглем, — «В. А. Иванова».

Почти одиннадцать месяцев. Четыре переделки теплового расчёта. Четырнадцать ночей в мае.

Девятый кегль.

Она закрывает файл.

⁂

Вечером дома Роман спрашивает:

— Ну как защита?

— Нормально.

— Сдали?

— Сдали.

— Молодец.

Он уходит на кухню, и через минуту она слышит, как он гремит сковородкой. Пахнет жареным луком. По телевизору идёт что-то про ремонт дорог.

Вера сидит на диване с ноутбуком на коленях и открывает рабочую почту.

Там двадцать три письма. Четыре от Кости — по проекту школы, который он «частично возьмёт». Одно от Полины, молодого инженера, — с вопросом про вентиляцию, который она не смогла решить сама. Одно от Олега Викторовича — «Вера, посмотрите, пожалуйста, до пятницы».

Она открывает письмо Полины и начинает печатать ответ.

Ответ Полине заканчивается обычным «если что, пиши». Вера ставит точку, стирает её, ставит снова. Из кухни Роман кричит, что ужин остынет. Вера хочет крикнуть в ответ, что знает. Вместо этого берёт ноутбук с собой. На кухонном столе он занимает место, куда Роман собирался поставить хлеб. Роман переставляет хлеб на подоконник.

Пока он режет лук, Вера открывает письмо Маргарите Павловне. У файла, который просили прислать отдельно, простое название: «Экономика_итог». Простым название было не всегда. В общей папке лежат «Экономика_новая», «Экономика_новая2» и «Экономика_точно». Один из этих файлов Олег Викторович летом переслал заказчику со словами «актуальная вер-

сия». После этого Вера стала ставить в названиях дату, а на защите её попросили дату убрать: папка должна выглядеть аккуратно.

Она прикрепляет файл, но отправить не успевает. На телефоне незнакомый номер.

— Вера Андреевна? Это Виктор, с котельной. Вы у нас журнал фотографировали.

На улице он говорит обычно, в помещении — почти кричит. Сейчас Вера слышит гул, а за гулом ровный металлический щелчок. Она отодвигает тарелку.

— Помню. Что у вас?

— С утра звонили из управления, спрашивали, с какого числа мы можем перейти на ночной режим. А какой ночной режим? У меня до половины первого третья линия работает.

— Всегда?

— В октябре пять раз. В сентябре восемь. Надо смотреть.

По третьей линии горячая вода уходит к двум жилым корпусам и прачечной. В задании есть фраза о ночном снижении нагрузки. Вера исходила из того, что прачечная заканчивает в десять. Виктор осенью показывал ей книгу, исписанную мелко, в клетку, но закладку положил на лист с расходом топлива. Соседние столбцы Вера сняла, не разбирая: на лестнице ждал человек с ключами, в котельной было жарко, телефон садился. В папке остались фотографии в грязноватом свете, с большим пальцем в каждом углу.

— Они до десяти, когда всё штатно, — говорит Виктор. — Как стиральная встанет, начинают вторую смену. У них бельё к утру забирают. Вот в понедельник до двух держали.

— Кто просит держать?

— Диспетчер звонит. У меня на бумаге, кто, во сколько. Но бумаги этой в управлении не видели. У нас, говорят, есть электронный журнал.

— В электронном такого нет?

— Там отметка, что линия работает. И там же, что линия по графику закрыта. Я пробовал исправить. Не даёт.

Он говорит без возмущения. Больше всего его заботит, что в январе ему прикажут перекрыть линию в десять, а в десять пятнадцать зазвонит телефон. Чей приказ исполнять в десять пятнадцать? Это и есть вопрос, ради которого он раздобыл её номер.

Вера смотрит на три строки модели. Если вечерняя нагрузка продлится, придётся дольше держать резерв. Сам замысел от этого не исчезает, но цифра, прозвучавшая на защите, перестаёт быть ответом без оговорок. Рядом Роман пробует картошку, дует на вилку. На часах девятнадцать сорок. Виктор, должно быть, тоже собирается ужинать. Он торопится закончить разговор.

— А кто у вас будет распоряжение писать? Мне кому это объяснять?

Вера знает порядок: Виктор — своему начальнику, тот — в управление, управление — Олегу Викторовичу, Олег Викторович — ей. По этому кругу можно ходить до весны. Она просит Виктора сфотографировать две страницы с последними датами. Он соглашается и спрашивает, будет ли его фамилия «где-нибудь фигурировать». Так и произносит — фигурировать, хотя минуту назад говорил «у нас, на бумаге».

— Можно без фамилий, — говорит она. — Мне нужны даты и время. Остальное закройте листком.

Он благодарит с такой осторожностью, будто она ещё может передумать. Через минуту приходит фотография. В кадре рукав синей рабочей куртки и край прозрачного файла, под ним три строки, обведённые шариковой ручкой. Вера увеличивает снимок и замечает четвёртую строку. Против воскресенья от руки написано «не закрывал, ждал звонка». Это время в готовой модели вообще никому не принадлежит.

У Романа картошка уже кончилась. Вера ест свою, не отрываясь от экрана. Над полем письма появляется слово «черновик». Ей хочется заменить итоговую цифру прямо сейчас, чтобы ни у кого не возникло вопросов. Она открывает отдельную копию, вводит две ночи в

неделю и останавливается. Две — просто первое число, которое пришло в голову. С таким же успехом можно ввести три. Тогда придётся ждать журнал за отопительный сезон и снова сверяться с прачечной. Работа на вечер внезапно становится работой на несколько дней. Её ещё никто не поручал, а Вера уже решает, когда успеет.

— Что там? — спрашивает Роман.

— После защиты нашлась одна деталь.

— Плохая?

Вера говорит «обычная». Так оно и есть. Ещё месяц назад она сама объясняла Олегу Викторовичу, что расписание на бумаге и работа котельной — две разные вещи. Он спросил тогда, есть ли у неё подтверждение, и Вера обещала уточнить. Потом пришла правка по вентиляции. После неё — новая смета. А строка в задании была под рукой, заверена, её можно было вставить в расчёт и двигаться дальше.

В письме Маргарите Павловне Вера пишет, что расчёт предполагает снижение нагрузки по третьей линии в десять вечера. Просит подтвердить режим по фактическим записям, прежде чем переносить результат в задание. Прикладывает ровно тот файл, который показывали сегодня. В адресной строке первой стоит Маргарита Павловна, Олег Викторович — в копии.

Палец на мыши замирает. Прямого запрета отправлять письмо нет. Наоборот: Маргарита Павловна сама попросила. Но Вера убирает её адрес и пересылает письмо Олегу Викторовичу, добавляя сверху: «На согласование». Так спокойнее. Чужое беспокойство по поводу красивой цифры она пока готова взять на себя, своё имя под замечанием — ещё нет.

Виктору она отправляет короткое «Спасибо, получила». Через некоторое время появляется ответ: «Тогда до распоряжения по старому». В его письме тоже нет вопроса. Он только сообщает, как будет работать завтра. Вера ставит телефон на зарядку и идёт мыть посуду. Вода из крана слишком горячая; она отдёргивает руку и долго держит её над раковиной, пока Роман не поворачивает вентиль в другую сторону.

⁂

Когда Роман спрашивает, не сердится ли она, Вера обычно отвечает: «Я не злюсь». Дома она иногда произносит это ещё в прихожей, не успев снять ботинки.

По дороге домой она чувствует тяжесть в челюсти и мечтает лечь лицом к стене. А вечером может резко ответить Роману из-за чашки, оставленной на подоконнике. На следующий день, вспоминая эту чашку, ей трудно понять, отчего всё началось.

В школе её называли спокойной, в институте говорили, что с ней легко. На работе эту черту ценят особенно: «На Веру можно положиться».

⁂

Считать, что злость на работе — это крик. Крик — это уже финал, когда ничего другого не осталось. Настоящая злость в офисе выглядит тихо: это вежливое «хорошо», отправленное в двадцать три сорок, и ещё одна ночь за чужим проектом.

Думать, что вам не за что злиться. Защита прошла, заказчик доволен, начальник сказал спасибо. Формально всё в порядке. Проблема в том, что «формально в порядке» — это не то же самое, что «со мной поступили честно», и ваше тело разницу чувствует лучше вас.

Объяснять чужое поведение. «Он не со зла», «у него тоже давление сверху», «он просто не подумал». Всё это может быть правдой, и ни одно из этих объяснений не отменяет того, что ваша работа ушла под чужую подпись.

Ждать, что заметят сами. Не заметят. В организациях работает правило: если вы не назвали свой вклад, считается, что его не было. Скромность в офисе не читается как скромность — она читается как отсутствие вклада.

Считать, что «потом отдадут». Отдадут вряд ли. Долги без документа не возвращаются, а ваша готовность работать бесплатно быстро становится нормой, на которую ссылаются: «ты же всегда делала».

Компенсировать злость качеством. «Я сделаю так хорошо, что они поймут». Не поймут. Качество без имени — это качество без автора, и чем лучше вы делаете, тем ценнее то, что забирают.

Переносить злость домой. Работа требует вежливости восемь часов, а вежливость не бесконечна. Вечером она кончается на самом безопасном человеке — на том, кто не уволит.

«Этот расчёт делала я. Я готова его представить и ответить на вопросы».

«Я возьму это в работу, если мы зафиксируем срок и объём в письме».

«Я не успеваю. Что из этого важнее?»

«В прошлый раз я сделала раздел 5 за Олега Викторовича. В этот раз я его не делаю».

«Мне нужно, чтобы моя фамилия стояла на титульном листе первой. Это моя работа».

«Я понимаю, что вам неудобно. Мне тоже».

Есть в офисной жизни механизм, который почти невозможно увидеть изнутри, потому что он выглядит как похвала.

Человека, который не отказывает, постепенно нагружают. Не по злому умыслу — по удобству. Каждый отдельный раз кажется мелочью: «выручи», «посмотри», «ты же быстрее». Никто не строит план по эксплуатации Веры. Просто система задач распределяется по принципу наименьшего сопротивления, а наименьшее сопротивление — там, где не будет разговора.

Через год выясняется, что она делает работу за троих, а её должность называется так же, как у тех, кто делает за одного. И вот здесь самое неприятное: в этот момент выясняется, что её собственный вклад никто не считал, потому что он нигде не был записан.

Второй механизм — присвоение. Он устроен тоньше, чем кажется, и почти никогда не бывает прямым воровством. Начальник не говорит «я сделал». Он говорит «мы сделали», «в отделе нашли решение», «наш инженер посчитал». Формально всё правда. По факту — у работы нет автора, а безымянную работу забирает тот, кто громче.

Есть и третий, самый коварный: человек сам отдаёт авторство, потому что боится ответственности. «Я не хочу выступать», «я не оратор», «пусть лучше он, он умеет». Это честно и это понятно — но за этим стоит не скромность, а страх, что при всех спросят именно с вас.

Есть у этого ещё одна сторона, про которую в книгах про карьеру пишут редко.

Удобный сотрудник выгоден не только начальнику. Он выгоден всему отделу. Коллеги, которые не хотят брать сложное, прекрасно знают, кто возьмёт. И когда такой человек впервые говорит «нет», сопротивление приходит не сверху, а сбоку — от тех же людей, которые «всегда ему помогали».

Это самый неприятный момент во всей истории. Не разговор с начальником — он хотя бы предсказуем. А то, как меняется лицо у человека, которому вы впервые отказали после пяти лет согласия.

За этим стоит простая арифметика. Пока вы соглашаетесь, у остальных есть запас. Ваш отказ — это не только ваш отказ: это напоминание, что они тоже могли бы отказать и не отказывают. Никто не любит таких напоминаний.

Отсюда — первый практический вывод. Авторство не выдаётся, оно фиксируется. Не в разговоре, а в документе: кто делал, что делал, к какому сроку. Не для суда — для памяти организации. Память организации коротка, и она держится на бумаге, а не на справедливости.

Второй вывод касается того, как это делается без скандала. Есть фраза, которая работает почти всегда, потому что она не обвиняет, а информирует: «Я хочу быть уверена, что мы одинаково понимаем, кто что делает. Давайте я пришлю короткое письмо». После такого

письма присвоить работу становится сложно: не потому, что кто-то следит, а потому, что у неё появился адрес и дата.

Третий вывод — про тело. Вера замечает челюсть раньше, чем мысль. Это не случайность: организм фиксирует несправедливость быстрее сознания, потому что сознание занято объяснениями. Если вы регулярно обнаруживаете у себя сжатые зубы к вечеру, это не про стоматологию. Это про то, что вы весь день что-то не сказали.

Осталось проговорить ещё одну вещь, потому что дальше будет труднее.

Вера не в плохой организации и не у плохого начальника. Олег Викторович не злодей: он где-то между «не думает» и «так принято». Именно поэтому всё так медленно тянется — с явным злодеем было бы проще, его можно было бы ненавидеть и уйти.

С обычной несправедливостью, которая никого не планировала, жить труднее всего. Потому что злиться вроде не на кого, а плохо — вполне реально.

Для себя

Вспомните последний раз, когда ваша работа ушла под чужое имя. Что вы тогда сказали?

Сколько раз за последний месяц вы работали после окончания дня? Записывайте неделю — цифры удивят.

Какое письмо вы отправили в нерабочее время и потом пожалели?

Где в вашем теле живёт рабочее напряжение? Челюсть, шея, плечи, желудок?

Когда вы последний раз сказали на работе «я не успеваю»? Если никогда — почему?

И вопрос на подумать: если бы вам платили за каждое «выручи», сколько бы вы зарабатывали?

Есть в этой главе одна вещь, которую легко принять за призыв к скандалам, и это было бы ошибкой.

Речь не о том, чтобы начать ссориться с начальством. Скандал — это самый неэффективный способ отстоять себя: он даёт разрядку на десять минут и репутацию на десять лет.

Речь о том, чтобы перестать делать бесплатно и молча то, за что вам не платят и чего не помнят.

Вера в этой главе не сказала ни одного грубого слова. Она вообще ничего не сказала. И именно поэтому её вечер закончился в ноль двадцать три за чужим расчётом.

Первое изменение будет маленьким и почти незаметным: в следующий раз она спросит, кто автор. Не в претензии — просто спросит вслух.

С этого начинается всё остальное. Не с отказа и не с разговора — с одного вопроса, заданного вслух: чья это работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.